

18+

Валентин
Колесников

Лабиринты
судьбы

Валентин Колесников

Лабиринты судьбы

«Издательские решения»

Колесников В.

Лабиринты судьбы / В. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609280-8

Я, молодой специалист, волею случая добровольно согласился отработать трехгодичный срок после окончания авиационного института в колонии строгого режима, где были созданы условия для молодых специалистов такого уровня, решать технические производственные вопросы с заключенными. Автор рассказывает о борьбе за выживание в начале своей трудовой деятельности и тех безвыходных ситуациях, с которыми пришлось столкнуться. Все имена и фамилии действующих лиц триллера вымышлены, совпадения случайны.

ISBN 978-5-00-609280-8

© Колесников В.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Лабиринты Судьбы	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лабиринты судьбы

Валентин Колесников

© Валентин Колесников, 2023

ISBN 978-5-0060-9280-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Лабиринты Судьбы

Я, молодой специалист, волею случая добровольно согласился отработать трехгодичный срок, положенный после окончания авиационного института в колонии строгого режима, где были созданы условия для молодых специалистов такого уровня, решать технические производственные вопросы с заключенными. Автор рассказывает о борьбе за выживание в начале своей трудовой деятельности и тех безвыходных ситуациях, с которыми пришлось столкнуться. Все имена и фамилии действующих лиц триллера вымышлены, совпадения случайны.

Глава 1

Уфимский Авиационный институт имени Серго Орджоникидзе (в настоящее время технический Университет) готовился к выпуску молодых специалистов по специальности ТМСИ «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». Распределения на машиностроительные заводы Башкирии ожидали 75 выпускников факультета Технологии Машиностроения, что собрались в актовом зале университета. На сцене университетского актового зала стоял стол, где уже сидели представители руководства разных заводов, приехавших за молодым пополнением специалистов. Среди гостей президиума выделялся пожилой офицер, увешанный орденами и медалями на военной форме в звании полковника. Однокурсники, особенно парни, перешептывались между собой, пытаясь разузнать, может, кто знает, что за военное ведомство представляет полковник? И, что он может предложить им, молодым инженерам механикам? Любопытство развеял декан факультета, Доброрез Максим Петрович. Декан встал со своего места и начал говорить:

– Уважаемые гости, разрешите представить Вам выпуск две тысячи первого года нашего факультета Технология Машиностроения и рекомендовать вам наших лучших выпускников! – Декан стал называть фамилии студентов, окончивших университет с красным дипломом. Этим студентам предоставлялся свободный выбор, куда, и в какой город они пожелают уехать на тот или иной машиностроительный завод. Большинство отличников пожелали остаться продолжать учебу в аспирантуре, остальных распределили без их согласия. Когда все дипломы были розданы и списки о назначениях были зачитаны, декан дал слово военному. Полковник начал свою речь с того, что ведомство, которое он представляет, не располагает своей системой обучения инженеров технологов по металлообработке, и он пришел для того, чтобы предложить выпускникам добровольно пойти работать в режимные учреждения. Всего требовалось шестнадцать человек. Работа будет в столице Башкирии Уфа и перспектива такая, что через шесть месяцев работы предоставляется служба в Министерстве Внутренних дел с льготами получения жилья через полтора года в новом доме, для молодых специалистов. Ну и конечно, существенная прибавка к окладу, плюс военная форма и много других преимуществ перед гражданскими служащими. Все, что требовалось от выпускников это написать заявление о своем согласии принять предложение полковника. Военный оказался главным инженером производственных режимных учреждений Министерства Внутренних дел Башкирии, и закончил свою речь словами:

– Нам нужны технические кадры с высшим образованием. Я приеду завтра, с каждым желающим работать у нас проведу беседу и если увижу, что у кандидата есть желание работать, то с удовольствием приглашаю к нам на инженерно-техническую работу.

К полковнику поступило 25 заявлений. Из них он отобрал 20. А после собеседования осталось 16 человек. В числе отобранных был и мой друг однокашник Илья. Он отличался выразительной внешностью и каким-то неуловимым взглядом природным шармом, притягивающим девичьи сердца.

– Ты, почему согласился пойти в Министерство? – спросил я Илью.

– Я представил себя в форме. И, ты знаешь, мне показалось, что от баб отбоя не будет? – Отшучивался Илья.

– Это уж точно! – я с улыбкой отвечал ему.

После собеседования с полковником Илья вышел из кабинета декана и сказал:

– Общим полковник мне понравился. Подписал мое заявление и сказал, чтобы я со своим заявлением зашел в отдел кадров Министерства. И что я буду работать инспектором предприятий подведомственных Министерству.

– Слушай, Илья Иосифович, да ты никак уже сделал карьеру. Это же прямой путь в руководство Министерства Внутренних дел Башкортостана?

– Ну, давай Валентин иди ты, а я тебя подожду, вместе поедем.

Я зашел в кабинет, временно предоставленный полковнику внутренних дел деканом факультета для проведения переговоров. Черные колкие глаза испытывающее уставились на меня молодого специалиста, внимательно изучая мою внешность. Откула не возмись у меня мелькнула мысль; «Часом а не голубой я?!» Проганяя ее я выдал из себя:

– Здравствуйте. – Несмело поздоровался. Полковник не ответил на приветствие, а сразу приступил к делу.

– Давай сюда заявление! – Приказным тоном на «ТЫ» обратился ко мне, – Нам нужны два специалиста на наше предприятие УЕ N, пойдете туда. Один товарищ уже принят, и я направляю вас. Скажете в отделе кадров предприятия, что вас направил лично полковник Коробов. Как поняли?

– Так точно, принял к сведению! – отчеканил я.

Полковник подписал размашисто мое заявление и сказал:

– Идите, оформляйтесь, это предприятие находится между старым городом Уфа и теперь уже новым городом Черниковск. Поедете на трамвае номер три от остановки «Центральный рынок», до остановки «Приборостроительная», это примерно минут тридцать езды. Там спросите, вам подскажут проходную, зайдете прямо в отдел кадров, вас там уже ждут. Завтра на работу.

– Товарищ полковник, нам положен отпуск после защиты дипломной работы.

– Оформитесь и скажете в кадрах, чтобы выписали вам бесплатный билет на поезд к месту жительства. Отдохнете, месяц и можете выходить на работу. Все! Свободны!

– Ну, что? – первым делом Илья поинтересовался, куда меня определил Коробов.

– Еду в кадры на трамвае номер три, остановка Приборостроительная.

– Ну, тогда пошли вместе, мне в Администрацию города. Там отдел кадров Министерства.

По дороге Илья интересовался, откуда я родом, кто мои родители, рассказывал и о себе. Что он приехал из Питера, что поступать там из-за больших конкурсов бессмысленно, и он решил по совету друга отца приехать сюда на Урал в Уфу. На трамвае номер три ехали вместе, только Илья вышел раньше, на остановке «Горсовет», где располагалось Административное здание, в котором были кабинеты Министерства Внутренних дел Башкирии. А я дальше по направлению города Черниковск. За окнами трамвая весело светило солнце. Молодые листочки на придорожных деревьях шелестели на ветру, как пузырьки в бокале шампанского. На душе светло и радостно, как бывает в начале жизненного пути у молодых, еще не сломленных жизненными испытаниями, душах людей. Я вышел на остановке «Приборостроительная». Куда идти еще не знал, растерянно озираясь по сторонам, увидел женщину, подошедшую к трамвайной остановке, и подошел к ней.

– Здравствуйте, не подскажете, где тут завод Министерства Внутренних дел?

Женщина недоуменно посмотрела на молодого человека, затем сказала:

– Приборостроительный есть, и он никогда не был Министерским. А больше тут нет завода.

– Ну, как же, мне точно сказали завод Министерства Внутренних дел?

Женщина недоуменно пожалала плечами.

– Подождите. – Я достал листок бумаги развернул и прочитал, – Учреждение УЕ N?

– Так это же колония строгого режима. Точно, вот там у них завод Министерства Внутренних дел внутри бетонного забора. Вон туда идите. Там у них проходная, даже отсюда видно.

– Спасибо. – И я бодрыми шагами пошел в указанном направлении.

Территория учреждения была обнесена трехметровым бетонным забором. По верху всего периметра забора была протянута колючая проволока на изоляционных фарфоровых изоляторах, признак того, что там проходит электрический ток. В мои глаза бросилась замызганная дверь проходной, примыкавшая к металлическим воротам. Я не раздумывая открыл дверь и вошел. В окошко на меня уставилось лицо в военный в форме солдата внутренних дел.

– Вы, кто и куда направляетесь? – спросило лицо.

– Сержант, я в отдел кадров, на работу пришел устраиваться.

– Подождите? – сержант снял трубку внутренней связи, – Фатима Анатольевна, к Вам посетитель на работу устраиваться, – в трубке неразборчиво что-то ответили. Сержант взглянул мне в глаза, спросил:

– Фамилия?

– Чья фамилия? – сделав непонимающий взгляд, спросил его.

– Тв... Ваша, чья же еще? – не отрывая телефон от уха раздраженно, вопросом на вопрос, отвечал солдат.

– А, моя фамилия Колесников.

– Колесников его фамилия. – Проговорил в трубку солдат, – Дайте Ваши документы.

Я подал свой паспорт. Солдат забрал паспорт, сказав:

– Заберете, когда будете выходить.

– Не положено. Я иду оформляться на работу. – Попытался возразить ему, на что получил убедительный ответ:

– Надо будет кадрам, пришлют гонца. Проходите сразу направо в двухэтажное здание, на второй этаж, комната двадцать один.

– Спасибо.

Солдат насмешливо взглянул на меня, ничего не отвечая. И я проследовал в указанном направлении. Вскоре уже был в отделе кадров. За письменным столом сидела молодая женщина в стеганом ватнике и в сапогах. Это меня несколько несколько удивило, представив перед этим холеную девушку в косметике с ног до головы. Мое разочарование не было не замеченным.

– Здесь работают заключенные, которые сидят не один год. Женщины им только во снах являются, поэтому я так одета. А по зоне приходится бегать и в цех, и на склад, и в столовую, так, что вот так, молодой человек. Да Вы проходите, мы новому пополнению вольнонаемных сотрудников рады. Контингент у нас хоть и бандюги, но вежливые и очень одаренные. Вы это поймете со временем. И все, кого не спроси, сидят ни за что. Так отвечают всем, кто спрашивает заключенного об этом. Ну, инструкции даст Вам директор производства Дмитрий Александрович Колесников. Сейчас я Вас оформлю, мне звонил полковник Коробов и сказал, чтобы выписать Вам требование в кассу для бесплатного билета на поезд. Давайте Ваш диплом, фотографии на пропуск и паспорт?

– Фатима Анатольевна, мой паспорт на проходной в дежурке.

– Надо было не отдавать! Хотя дежурный имеет право не пропускать на территорию, – отвечала Фатима Александровна, одновременно снимая трубку. Через минуты две сержант принес мой паспорт. Процедура оформления заняла целый день. Но к четырем часам дня я, получив должность старшего инженера технолога, был направлен в техотдел завода, расположенного внутри колонии УЕ N. В этом административном здании находился и кабинет директора. Им был капитан родом из Минска, белорус, с русыми волосами и приятным спокойным голосом. Дмитрий Александрович Колесников рассказал мне правила поведения с заключенными, подписал, бланк бесплатного проезда домой в отпуск для получения билета в кассе на поезд и добавил:

– Отпуск у Вас начнется ото дня отправления Вашего поезда. А до этого оформляйте пропуск, без пропуска могут быть вопросы у проводника по бесплатному проезду. С пропуском Вы можете пользоваться бесплатным общественным транспортом. А при посадке в поезд

предъявите пропуск проводнику, и он сверит Вашу фамилию с фамилией в проездных документах. Так, что завтра день в Министерство отнесете мой приказ о зачислении Вас на должность и там в кадрах получите пропуск. Поработаете дня три, и поедете домой на двадцать четыре дня. Ну, до завтра теска однофамилец.

– До свидания.

– Всего доброго, Колесников Валентин Альбертович.

Дня три, обещанные капитаном технической службы, и директором производственной колонии УЕ N строгого режима Министерства Внутренних дел Башкирии, Дмитрием Колесниковым, затянулись на целых две недели. За это время был наконец издан приказ капитаном о принятии на работу меня молодого специалиста, а молодому специалисту, то есть мне пришлось еще ждать получения пропуска. После торжественного вручения полковником Коробовым в его министерском кабинете в административном здании горсовета пропуска тисненного в красные корочки, я уехал в отпуск...

И, вот настал мой первый рабочий день. Утром, на трамвае, я прибыл на работу в Учреждение УЕ N к 9—00. В тех отделе уже шла полноценная работа. За чертежной доской стоял заключенный осужденный на пять лет за экономическое преступление. Это был инженер Олег Антонович Мозговой, работавший на воле начальником участка на Московском машиностроительном заводе в цеху производства высокоточных приборов. Его рабочее место располагалось у окна, где было достаточно света и пространства. У квадратной колоны, подпиравшей потолок, за письменным столом сидел пожилой заключенный. Его звали Иваном Кузьмичом. Фамилия Рязанцев, на воле работавший бухгалтером, затем оформил пенсию по возрасту. Осужден Рязанцев по статье за изнасилование несовершеннолетней падчерицы. Все, с кем он контактировал и общался, не верили, что этот благообразный шестидесяти летний пенсионер мог, кого-то там изнасиловать. Да и по его рассказам выходило так, что, женившись на приезжей в Рязань женщине с двенадцатилетней дочкой, он прописал жену у себя в доме. Затем эта жена подстроила изнасилование своей дочки Иваном Кузьмичом, подговорив дочь залезть к нему в постель, когда она уйдет в магазин. С магазина жена вернулась с участковым и вытащила, якобы изнасилованную дочь из постели насильника. Учитывая возраст Ивана Кузьмича, суд приговорил его к шести годам заключения и рекомендовал жене развестись. Вот такая история приключилась с нашим бухгалтером. Конечно в итоге, аферистка получила дом Ивана Кузьмича. Сразу же появился ее молодой жених. И спустя полгода после суда жена оформила развод и вышла замуж за молодого жениха, став полноправной хозяйкой в доме Рязанцева, отбывавшего наказание в учреждении строгого режима УЕ N. В прилегающей комнатенке к техотделу стояла копировальная машина старого образца, использующая для копирования чертежей аммиак. В этой комнатенке работал еще один заключенный Руденко Константин Геннадиевич. В его задачи входило делать «синьки» с чертежных калек, которые старательно копировал наш «насильник» Иван Кузьмич с чертежей Олега Антоновича. Наш копирайтер, Константин Геннадиевич, был осужден за хулиганство, которое он совершил в отношении своей жены, застав ее с любовником. Любовника он прогнал, побежав за ним с топором, а жену пригрозил зарубить. Перепуганная женщина вовремя закрыла дверь квартиры. Соседи связали хулигана, и теперь он отбывает свои полтора года в УЕ N. В техотделе был еще один заключенный Николай. Это молодой паренек лет шестнадцати, отсиживал свои два года за избиение вместе с другом прохожего. Парень был талантлив, хорошо играл на гитаре и умел жалобно петь романтические песни, вышибая слезу у жен вольнонаемного персонала в клубе колонии на концертах художественной самодеятельности. Коля работал посыльным. В его задачи было разносить техническую документацию в цеха, после внесения исправлений и доработок в технологию, чертежи и эскизные проекты. Руководил техотделом тридцати семилетний мужчина Геннадий Георгиевич Соболевский. Это был стройный и подтянутый человек в строгом всегда выглаженном черном костюме, в галстук на фоне белой рубашки, особенно подчеркива-

лись его холенное, гладко выбритое лицо, и черные волосы, которые он зачесывал на затылок, приглаживая у висков. Начальник техотдела был молчалив и не был сторонником разговоров, которые строго пресекались особенно в общении с заключенными. Заключенные, работавшие в техотделе, были хмуры с постоянно застывшей скорбью на лице. И все, как один жаловались на то, что сидят ни за что. А перед гражданскими вольнонаемными сотрудниками вели себя подчеркнуто вежливо, разговаривали в полголоса не громко, не матерились. Одним словом, держались образцово показательно, как бы бессловесно высказывая своим безупречным поведением, ну вот ни за что посадили меня «хамы» и «невежды». В жилых помещениях общежития койки идеально заправлены. Тумбочки у коек открыты с аккуратно разложенными по полкам предметами первой необходимости. В первый же рабочий день дежурный офицер службы охраны колонии майор Тимур Мирзоевич Иванов зашел в тех отдел.

– Валентин Альбертович, у нас вольнонаемный персонал по графику дежурит в третью смену. Вам подошла очередь дежурить сегодня, как раз в первый рабочий день. Пошли со мной я Вам расскажу Ваши обязанности в ночную третью смену.

Тимур Мирзоевич провел меня молодого специалиста по цехам предприятия, в процессе экскурсии по заводу указывал, на что надо обратить особое внимание в первую очередь. И завершил экскурсию словами:

– Раз-два три пройдется по производству. Посмотрите, чтобы никто из заключенных не отлынивал от работы. Ну и не было нарушений дисциплины.

Итак, в 18—00 промышленная зона опустела. Работа третьей смены начиналась в 23—00 и заканчивалась в 6 часов утра. Я сидел в комнате дежурного по производству на первом этаже здания дирекции. Старший третьей смены, заключенный Дима, мужчина сорока лет, отсидевший двенадцать лет, как он об этом сказал, за случайное убийство, зашел в кабинет дежурного и сказал мне:

– Не выходите из кабинета. Можете спать тут. Мы знаем, как работать, и работаем, потому, что от нашей производительной работы зависит срок отбывания в колонии. Поэтому мы наказываем сами тех, кто не хочет работать. Следим и у нас все в порядке. Среди колоний УЕ N считается образцовой. Так что я вас разбуду утром. В шесть утра. – Он улыбнулся мне и ушел.

Этому заключенному осталось отсидеть шесть месяцев. Так как его пятнадцати летний срок отбывания был изменен за хорошее поведение. И настроение у него было бодрое и добродушное. Как мне позже стало известно, до заключения он работал на стройке крановщиком. Поднимал раствор на высоту стройки в контейнере. Рабочий прицепил крюк неправильно и крюк при подъеме слетел с контейнера. Весь раствор со щебнем высыпался на голову рабочего. И Дима крановщик стал убийцей, так как не проверил сцепку. Я зашел в комнату дежурного. Там стоял массивный письменный стол два стула и журналы мод на столе с разными газетами. Уселся за стол и стал листать журнал. Красивые машины мелькали на страницах журнала вперемешку с фотографиями полуобнаженных женщин, дорогих Кубинских сигар, и разного автоматического оружия от пистолетов до модернизированных под легкие пистолеты автоматы. Первый рабочий день принес отдачу напряженных сил от необычного производства, о котором я узнал только сейчас, поступив на работу в режимное предприятие Министерства Внутренних Дел. А остаться одному на ночь среди работающих осужденных требовало собранности и некоторой смелости. Я еще не знал, как вести себя в сложившейся ситуации и кого в первую очередь слушать. Слушать этого заключенного, выполняя его просьбу остаться и не выходить на осмотр территории цехов, или майора Тимура Мерзоевича. Майор же обязательно проверит, спросив у заключенных, своих информаторов, как проходило дежурство новичка. И те с радостью сольют майору, что дежурный просидел всю ночь и не высовывал носа из дежурки. Нет, так дело не пойдет. И я решился пройтись по территории среди ночи. Продумывая маршрут своего обхода работающих цехов, и не заметил, как задремал и уснул. Вне-

запно задремал будильник, который был заведен на два часа ночи. Еще не осознавая, где я нахожусь, открыл глаза. С минуту сидел, приходя в сознание, где я и что тут делаю, когда с этим было покончено, резко встал со своего места и вышел на свежий воздух в ночь. Цех пресс автоматов находился сразу за конторой технического управления. Решил идти туда. Еще до ворот цеха оставалось, каких-то метров с 20, как стали слышаться удары прессов, и стук штамповки деталей. Медленно двигаясь по середине цеха в направлении гальваники, я краем ока увидел летящую ко мне круглую отштампованную заготовку детали из-за работающего пресса. Успев вовремя остановиться, круглая заготовка пролетела в сантиметре от головы, с грохотом ударилась о цеховой пол и покатила прочь к ряду станков. Я развернулся и прошел к прессу. Заключенный штамповал точно такие заготовки и бросал их в солидную уже скопившуюся кучу таких же. У пресса в черной робе работал заключенный.

– Что полетело в мою сторону? – спросил я, подойдя ближе к нему.

Злые глаза заключенного, не мигая, уставились на меня. Не получив ответа, я развернулся и пошел в сторону гальванического участка. В душно помещении, где слышны пары примеси кислотных растворов электролитных испарений из гальванических ванн, от которых першило в горле и слегка кружилась голова. В пасмурных лучах сизого тумана цеха гальваники на карнизе широкого окна, выходящего во двор колонии сидел заключенный с худым, обтянутой желтой кожей, лицом и огромными зелеными глазами, увидел меня, начал подниматься с подоконника. Я решил остановить его, махая рукой, крикнул:

– Сидите там не вставайте, я вас не сдам!

Он удивленно взглянул на меня и вернулся на свое место. Ну а я поспешил выйти из гальванического цеха и обойдя прессовый цех вышел на центральную аллею и быстро вернулся в контору производственного отдела. Не успел устроиться на стуле, как раздался звонок телефона. Я поднял трубку, не успел еще приложить трубку к уху, как громкий голос спросил:

– Вы почему не берете трубку?! Спите?!

– Простите, кто спрашивает? – решил узнать, кто позвонил в глухую ночь сюда.

– Коробов, так ты не ответил на мой вопрос?

– Я только что с обхода, спешу доложить, что происшествий нет, цеха работают в штатном режиме.

– Поднеси трубку к окну, чтобы я слышал удары пресса.

Я приставил трубку к окну, удары пресса доносились в помещение конторы отчетливо. Затем поднес телефон к уху, но там были уже короткие звонки.

На следующий день, майор, пришел в тех отдел.

– Валентин Альбертович, смена в ваше дежурство перевыполнила план. От имени руководства технической службы выношу Вам благодарность. – И майор пожал мне руку.

– Спасибо! – с улыбкой сказал я.

– Мне звонил сегодня ночью Коробой хвалил Вас.

Майор ушел, а в техотдел зашел Дима с папкой под мышкой. Подошел ко мне, достал из папки кальку с чертежом и сказал:

– Здесь штамп логотипа нашего изделия. Уже сделали и провели испытания, нужно составить технологию на его изготовление. Нам зарплату начисляют по техническим нормам на его изготовление. Это важный элемент здесь отображено, смотрите, – он достал из папки металлическую пластину с выбитым на ней логотипом, – вот номер нашего учреждения.

Я посмотрел на аккуратную эмблему и увидел в выбитом кружке УЕ N. Дима продолжал объяснять:

– И тут еще дата производства изделия, видите сегодняшнее число и год, и месяц. Штамп сделан с учетом того, что число даты будут изменяться на каждый день производства.

– А именно где предусмотрено изменение цифр дат, на пуансоне или на матричной подложке?

– На пуансоне, так как пуансон двигается в направляющем отверстии штампа и не подвергается таким вибрациям и сдвигам, как если бы это было установлено на подложке. А вот сама подложка выполнена из технологической резины, куда пуансоном выдавливаются цифры логотипа. Это делается уже на подготовленном к лужению изделии.

– Хорошо, сделаю все расчеты, согласно существующим ГОСТам. У нас всеми технологическими расчетами занимается Иван Кузьмич, все, Дима, будет выполнено в установленные сроки. – Бодро ответил я.

– Да, Валентин Альбертович, Вы только напишите технологию, а я рассчитаю нормы и дам Вам, чтобы вписать. – Отозвался Рязанцев из своего места.

– И еще, надо было не выходить. Дали двойную норму за третью смену. А это могут учесть и увеличить нам план. Нам это не надо. Мы и так даем сверх плана. А чем мы займем персонал от наработанных деталей изделия, что они будут сидеть в общежитии? Ну, Вы меня поняли? – дружески улыбаясь, закончил Дима.

Я промолчал, определив для себя форму поведения. Отныне буду выполнять только приказы начальства, так как я поступил правильно, так сказать и, «не зашкварился».

Через месяц появился однокашник Сергей Степанович Куликов. Это второй выпускник, которого, как и меня, отпустили в отпуск по прибытии на работу меня. Однажды я пришел на работу и увидел за своим рабочим столом Сергея.

– Привет, я что-то не понял? – сразу с порога сказал ему, пожимая руку однокашнику.

– Что ты не понял, Валентин? – округлил свои серые с желтоватым оттенком глаза Сергей, – Это мое место. Я его занял, когда ты был в отпуске.

– Ну, ребята, не спорьте. – Сказал, подошедший Соболевский к спорщикам, – Сейчас принесем из фойе стол. Там, кстати, и стулья есть. Ну, пошли, глянем, что лучше всего подойдет. А здесь места всем хватит.

В фойе было несколько столов, стоящих один на другом. Выбрав один из них, мы внесли в техотдел, и я начал обустраивать свое рабочее место, перетащив свои бумаги на «новый» стол к себе. Сергей же оказался надоедливым сотрудником и дружбы между мною и Куликовым не получалось. Мы часто спорили по мелочам из производственных процессов. Это крайне не нравилось мне. И вот снова пришло время моего дежурства на производстве в районе третьей смены. После работы, ко мне подошел Соболевский и сказал:

– Значит так, завтра у тебя отгул, можешь отоспаться. В производственную зону можешь не ходить. Сиди туту в дежурке у телефона. Заключение больше, чем кто-то другой заинтересованы в этом хозяйстве, я думаю, что наше вмешательство только навредит.

– Как скажете, Геннадий Георгиевич. А какие инструкции выполнять предпочтительнее, Тимура Мерзоевича или Ваши? – лукаво улыбаясь, спросил я.

– А, что ты считаешь предпочтительнее? Только помни, если начальник колонии подполковник Измайлов Николай Николаевич позвонит, а тебя не окажется на месте, то не только тебе, но и мне достанется по нашей репутации.

– Ну, я, конечно, понял. – Ответил я.

– Тогда успехов. – Соболевский крепко пожал руку, и хотел еще что-то сказать. Но голос Куликова, отвлек начальника техотдела.

– Ну, скоро Вы Геннадий Георгиевич? – ревностно глядя в мою сторону, почти зло выкрикнул Серега Куликов. Соболевский, молча, двинулся на выход.

Я к 18—00 сидел в тех отделе, дождался, когда Костя, копировщик, закроет копировальную комнату и опломбирует печатью и отдаст печать мне.

– Слушай, Костя, а зачем такие предосторожности? Там же брать нечего?

– Конечно нечего. Но вот взгляни сюда. – Руденко достал из кармана купюру в пятьсот рублей и дал мне.

– Ну и что? – спокойно рассматривая сложенную купюру, спросил я.

– А ты разверни ее.

Развернув, хрустящую, почти новенькую купюру и ничего не обнаружил, а, что вторая половина без какого-либо рисунка, пустая белая бумага я не смотрел на вторую сторону.

– Ничего такого в ней не вижу? – думая, что Руденко меня разыгрывает, протянул, чтобы вернуть.

– Посмотри с обратной стороны.

Как оказалось, с обратной стороны банкноты ничего не было. Пустая сторона и больше ничего.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул я, – Это ты сделал, ты нарисовал?

– Знаешь тут сдуреть можно, особенно без работы. Вот от нечего делать, нарисовал.

– Да у тебя талант.

– Особенно, когда в школе учился, пиво бегали покупать после уроков. Ну а когда отец ремнем хорошо угостил, перестал. А здесь спасаюсь вот этим.

– А мне на память можешь подарить.

– Нет. Я сейчас в туалете сожгу и пепел выкину. Это знаешь, сколько светит, добавят, как минимум, лет десять. Это уж точно. – Он забрал купюру, сунул в карман и направился к выходу, бросив на ходу:

– А ты говоришь, что там может быть? Там копировальный станок, вот, что там. – И вышел.

Мне стало скучно, и я ушел из техотдела, заперев дверь на ключ.

Ключ и печать от копировальной машины повесил на щитке в дежурной комнате и снова, как и в прошлый раз, стал рассматривать журналы. В дверь неожиданно постучали. Снова в дежурку зашел Дима.

– Привет, Валентин Альбертович, как Ваши дела? – с улыбкой спросил вошедший.

– Да так не жалуемся. А у Вас, что нового?

– Вот возьмите. – Протянув мне деньги, сказал Дима.

– Не понял, это еще зачем?

– Ну, это гарантия того, что Вы не выйдете сегодня. И еще у меня к Вам предложение, только не здесь.

Мы вышли из дежурки.

– Идем в сторону цехов, я по дороге Вам расскажу. Я скоро выхожу, и мне понадобится Ваша помощь. Вы можете меня выслушать, если Вы считаете, что не согласны, так и скажите. А если возьметесь, то согласитесь, и я дальше расскажу, что надо делать.

– И, что это опасно, или нет?

– Никакого риска с Вашей стороны. Да и с моей тоже. Риск есть, но самое главное, что никто Вас не будет упоминать, чтобы не случилось. Это первое, короче суть вопроса в том, что у нас сидит знаменитый фальшивомонетчик. Ему осталось сидеть еще год. Он делал подделки советских десяти рублевых купюр. Погорел на том, что забыл, поменять номера на печатном устройстве и напечатал одинаковые номера, на чем и попался. Он очень хочет, сделать матрицу сто долларовой купюры, конечно, теперь он учтет свою ошибку, которая ему стоила очень длительного срока. За это время он продумал все до мелочей и теперь может сделать здесь матричное клише для изготовления сто долларовых ассигнаций.

– Давай, это очень интересно и, конечно я помогу.

– Ну, значит, я услышал твое «ДА»! Тогда возьми деньги. На эти деньги купишь в банке новенькую, не заезженную сто долларovou купюру. Принесешь и отдашь ее мне, так, чтобы ни единая душа ничего не видела и не подозревала.

Он сунул мне деньги, когда мы переступили порог цеха с прессовочными работами. Как раз на пороге цеховых ворот не было камер наблюдения, и передача денег прошла незамеченной.

– Там немного больше. Тебе будет к зарплате. Не тушуйся это не в долг, это за то, что ты сможешь мне.

– Хорошо. Завтра у меня отгул. Деньги я принесу послезавтра.

– Добро. И будем меньше светиться. Только деловые разговоры. Я послезавтра к тебе подойду по делу и конечно за купюрой.

– Ну, хорошо, я буду всю ночь в дежурке. Высовываться не буду.

– В шесть я постучу тебе.

– Хорошо. – Я не торопясь ушел в направлении дежурки, а Дима углубился в цеха.

Устроившись на стуле попытался уснуть. Сидеть было удобно, но спать очень некомфортно. Положил голову на руки, опираясь на стол. Так удалось порыть носом стекло, которым был устлан стол. Промучившись так до часов 12-ти ночи, решил изменить позицию и снял толстое стекло из стола. Поставил его к стенке, затем в полусонном состоянии влез на стол и на собственном кулаке, как на подушке уснул. Утром меня разбудил трезвон телефона. Я вскочил на ноги и, добравшись до аппарата, стоявшего на стуле, снял трубку.

– Вас слушают! – сказал твердым голосом.

– Представьтесь, кто дежурит? – услышал трескучий мужской и властный голос.

– Старший инженер технолог технологического отдела, Колесников.

– Главный инженер Полковник Коробов Эдуард Иосифович. Как обстановка на объекте?

– Трудятся, слышу работу станков.

– Вы делали обход?

– Так точно, товарищ полковник.

– А кто Вам разрешил делать обход без сопровождения?

– Никто не разрешал, я сам прошелся.

– Дмитрий Валентинович Вас инструктировал по правилам проведения дежурств третьей смены?

– Меня инструктировал майор Тимур Мерзоевич Иванов, и о сопровождении ничего не говорил, а сказал лишь, чтобы я два три раза прошелся по производственной зоне, дескать, чтобы работали и не спали.

– Ясно. Правильно, что сидите в дежурке и не выходите без сопровождающего. Удачи.

И в трубке раздались короткие гудки. Я снова взобрался на стол и крепко заснул. Проснулся от стука в дверь.

– Дежурный, вставайте.

В смотровом окошке увидел посыльного техотдела Колю.

– А где Дима?

– Он прислал меня, еще с вечера сказал, чтобы я Вас разбудил.

– Хорошо, спасибо.

Я поднялся, стал водружать стекло на стол. В это время зазвенел будильник, забытый мною и заставил меня вздрогнуть от неожиданности, чуть не выронил стекло на кафельные полы дежурки. Но понял в чем дело, успокоился и сел на стул. Коля пришел в половине седьмого и взял ключи от техотдела для наведения порядка в помещениях. Ровно в семь часов утра, сотрудники из числа заключенных стали подниматься на второй этаж в техотдел. Майор Тимур Мерзоевич пришел в семь утра и принял дежурство, расписавшись в тетради рапортов, куда я записал свой рапорт.

– Ты, что наговорил Коробову, что он звонил мне в три ночи?

– Товарищ майор, я сказал ему правду.

– Он, что не знает, что у нас людей не хватает для сопровождения? Пойми, я на тебя не сержусь, но мог бы сказать, что, ни будь другое?

– Что? На пример?

– Например, что говорил мне. Но сопровождающего сегодня не было. В таком духе.

- В следующий раз скажу.
- Ну, да ладно, бывай.
- До свидания.

Я уехал домой. Меня ждала жена Наташа, которая лениво потягивалась в постели.

И не успел я войти в комнату, спросила спросонья:

- Валик, а зарплата у Вас скоро?
- Ну, как обычно, десятого.
- Спать, наверное, хочешь?
- Нет, на работе на столе выспался в дежурке. Правда голова немного болит.
- Ну, ладно пошли на кухню, чего ни будь, перехватим.

Жена работала на швейной фабрике дизайнером модельером и к девяти ушла на работу.

Я остался один, выпил чашку крепкого кофе. Оделся и поехал на трамвае в сторону центральной улицы Ленина. Возле главпочтамта вышел на одноименной остановке и зашел в помещение Сбербанка России. В окошке продажи валют спросил у девушки кассира:

– А можно сотню долларов цельной бумажкой и новенькую. Хочу жене подарок сделать хрустящей и пахнущей типографской краской.

– А че-ж нельзя. Давай деньги. Доллары новенькие завезли, так что не проблема.

Купив стодолларовую купюру я, вернулся домой. Неспешно разделся, достал из бумажника купюру, повертел в руках. В бумажнике, ассигнация немного выгнулась. В книжном шкафу порылся и достал чистую записную книжку, еще с институтских времен. В записной книжке в конце были карты Азии, Европейской Части и Американского континента. Я вставил купюру между листов карты. И отложил записную книжку. Включил телевизор, стал смотреть сериал. Затем, подумав немного, взял записную книжку, открыл карты атласа, стал смотреть на стодолларовую ассигнацию. Затем достал канцелярский клей «ПВА», аккуратно склеил им две соседние страницы с вложенной между ними купюрой и водрузил записную книжку на телевизор. Затем снова вернулся к просмотру сериала. Так и застала меня жена с включенным телевизором, спящим на диване. На следующий день, я был уже на проходной. Вольнонаемные сотрудники выстроились гуськом и проходили досмотр личных вещей. Не обошла вниманием проверка и меня. Старший лейтенант внутренних войск охраны осмотрел внимательно меня.

– Выложите все из карманов. – Приказал старший лейтенант. Я выложил все, что было. Портмоне, ключи от квартиры, записную книжку. После этого дежурный обыскал, затем пролистал записную книжку и дальше показал жестом, что можно пройти через контрольную рамку.

– Почему такой строгий контроль? – спросил старшего лейтенанта.

– А, что раньше не было осмотра? – вопросом на вопрос ответил старший лейтенант.

– Вы впервые на ка пэ дежурите? – спросил его.

– А, что это имеет значение? – снова вопросом на вопрос ответил дежурный офицер.

И только Тимур Мирзоевич сказал мне при встрече:

– Побег из колонии строгого режима в Коломне. Вот и приняты усиленные меры.

Как я и ожидал к часам десяти в техотдел пришел Дима с папкой под мышкой.

– Здравствуйте, Валентин Альбертович. Вот возьмите на кальке рациональный раскрой листа. Здесь все расписано, надо сегодня технологию написать на этот раскрой, а я зайду, заберу начальнику участка для сверки технологического времени и дам на подпись начальнику цеха, чтобы утвердил.

– Да, хорошо. Я уже подготовил папки для техпроцессов, чтобы не терялись при работе в цеху.

Заклученный деловито повернулся и вышел. А я принялся за технологию раскроя стандартного листа стали толщиной в 3 миллиметра так как знал свое дело хорошо, так как учился легко и схватывал все премудрости технологии обработки металлов резанием. Сергей же Кули-

ков отличался туговатым восприятием технических наук и у него многое не ладилось. Он часто просил у меня подсказки, конечно, я бескорыстно делился с однокашником знаниями и умением сочинять техпроцессы. Дима пришел за технологией в четыре часа дня. Я незаметно от сотрудников достал стодолларовую купюру и положил между листами технологии в папку.

– Ну, что сделали, Валентин Альбертович. – Деловито с порога спросил Дима.

– Да, конечно. Вот в папке.

– Валентин Альбертович! – неожиданно спросил меня Соболевский, – А, что моей подписи не требуется к технологии?

– Геннадий Георгиевич, технология еще не готова, в цеху требуется окончательная проверка. По режимам и процессу.

– Так что вы сидите. Идите в цех и лично проконтролируйте работоспособность техпроцесса.

– Да, иду.

Я и Дима ушли из техотдела. По дороге в раскройный заготовительный участок сказал Диме:

– Я вложил купюру в листы. Тебе остается переложить в свою папку и только.

– Спасибо, Валентин, я этого не забуду. От тебя еще понадобится одна услуга. Вынести готовое матричное клише из зоны. Сможешь?

– Ну, ты же знаешь, что это рискованно. А за просто так я не смогу. Ты сам меня после этого перестанешь уважать.

– Сколько ты хочешь?

– Тысяч тридцать зелени.

– А, почему не пятьдесят? – иронически переспросил Дима.

– Ты мне не иронизируй, я реально рискую.

– Хорошо, я поговорю с кем надо. Только чтобы это было реально.

– Ты, что меня будешь учить, как это сделать? – твердо спросил я.

Заклученный не ответил. Он взял папку у меня, развязал тесемки и достал стодолларовую купюру, быстро переложил себе в черную папку.

– Еще раз спасибо, Колесников. Я тебе это не забуду. А твое вознаграждение будет после того, как ты сделаешь свою работу.

– Ну, само собой.

– Я тебе передам готовую матрицу на твоём дежурстве. Это будет, перед моим освобождением. Я найду тебя сам. А пока надо вести себя, так как будто мы не в заговоре.

Наступил февраль. Морозная ночь дежурства выдалась ветреная. В дежурке было холодно, и дополнительно грел электрический обогреватель, что помогало развеять холодную промозглость ночи. Дима пришел в шесть утра, быстро сунул два свертка.

– Спрячешь в рукава пальто. У тебя пальто, вон какое, как у боярина с воротником и теплыми рукавами.

– Это хорошо ты придумал. Рукава у нас обычно, не ощупывают.

Я привязал скотчем части матричного клише к рукам под мышками и надел пальто. Ничего не было заметно. И спокойно без проблем вынес две части матрицы за проходную колонии. Весной в мае месяце, Дмитрий Яловый был на свободе. Он позвонил мне по телефону в воскресенье.

– Тебя какой-то Дима спрашивает. – Позвала жена.

– Иду. Алло! Да, конечно! – Наташа мне надо ненадолго, я скоро вернусь.

– Ну, если надо, так надо. Друзей не надо забывать.

– Вот ты, какая умница! – с улыбкой поощрил ее. И упаковав железки в кейс выбежал к трамваю. В уютном гостиничном ресторане «Башкортостан», меня уже ждал Дмитрий Яловый. Я с трудом узнал в этом одетом с иголки мужчине бывшего заключенного Диму. Я рас-

терянно разглядывал публику, сидевшую за столиками, и не узнавал ожидавшего меня бывшего заключенного, пока Яловый сам себя не обнаружил, подав голос.

– Эй, мужчина, Вы случайно не меня дожидаетесь?

– О, конечно, Вас.

– Ну, тогда присаживайтесь. – Широким жестом, приглашая к себе за столик, сказал Дмитрий. Я уселся и стал сразу говорить о деле:

– Ты принес бабки?

– Нам некуда спешить. Давай сначала выпей со мной.

– Пить будем потом. Сначала бабки.

– Ну, хорошо, хорошо. Он полез в свою мужскую сумку достал сверток, передал мне.

– Да не разворачивай тут. Потом посмотришь. – Настороженно сказал Яловый.

– Здесь то, что я называл?

– Не сомневайся. Меня еще попросили передать, что даем тебе десять процентов от сбыта, если ты захочешь быть в деле. Ты товарищ проверенный.

– Нет, Дима. Я не буду быть в деле. Потому, что фальшивку выявят рано или поздно и снова все пойдут по этапу. Мне этого не надо у меня жена беременная, ей рожать скоро.

– Ну, как знаешь. Если надумаешь, то вот моя нора с телефоном, звони.

Я посмотрел на номер телефона.

– Хорошо, если ты его не сменишь?

– Нет, этот телефон для своих надежных, и проверенных людей.

– Ты, лучше скажи, где будешь жить?

– В Москве. У меня там тетка. Поеду к ней. Да и дело там меня ждет. Так что, если что, звони.

Я отдал матрицу Дмитрию, сам положил сверток в кейс, разорвал обертку газет и посмотрел на доллары. Три пачки по десять штук, все было правильно. Все было как надо.

– Курьером из Москвы прислали поездом, пока я ждал тут в гостинице.

– Ну, вот теперь и выпить можно.

Мы просидели в ресторане до одиннадцати часов вечера, время закрытия ресторана. Дмитрий проводил меня до трамвая, а сам вернулся в гостиницу...

Глава 2

Москва встретила Дмитрия Ялового весенним теплым ветерком, принесшим запахи далеких полей, омытых дождями, лесов опушенных первой листвой и ароматы весенних цветов чуть уловимых здесь на шумном перроне и так ощутимо приятных после духоты купейного вагона. Он стоял возле поезда Москва-Владивосток, и не мог сдвинуться с места, не веря еще в то, что он свободен, что все кошмарное состояние заключенного в зоне УЕ N осталось позади, впереди свобода и жизнь.

– Молодой человек, вы что-то забыли? – обратилась к нему проводница, стоявшая у вагона и наблюдавшая за необычным поведением пассажира.

– Что, а, нет, не забыл. – Он улыбнулся ей и, подхватив дорожную сумку, быстрым и бодрым шагом двинулся в сторону метро.

Вот и станция «Преображенская». Он вышел на воздух и пешком добрался до улицы Преображенской №8. Этот дом оказался семейным общежитием. Дежурившая вахтерша назвала номер комнаты, в которой жила Зинаида Медведкина, его тетя Зина, которую он помнил еще с детства. Не скрывая своего волнения, Дмитрий Яловый поднялся на второй этаж и постучал в закрытую дверь комнаты №222.

– Кто там? – отозвался женский голос. – Входите там открыто.

Дима вошел. Убогая картина представилась его взору. Под окном стоял облезлый стол без скатерти. Шкаф старой конструкции с большим зеркалом стоял у двери. К шкафу и спинке кровати был приставлен еще один стол поменьше. На этом столе, усыпанном хлебными крошками, лежала половина буханки белого хлеба, нож и бегало множество рыжих тараканов. На спинке кровати висело пара женских чулок. Зинаида Яковлевна сидела в халате на кровати и пыталась рассмотреть, кто к ней пожаловал. Один чулок сполз к щиколоткам правой ноги, другой еще держался выше колена.

– Вы опять по поводу выселения? Я же Вам уже говорила, что мне идти некуда, а закона такого нет, чтобы человека оставить на улице.

– Тетя Зина, это я Дима из Кишинева, помните меня. Вы приезжали еще к нам гостили на даче под Кишиневом со своим дядей Ваней.

– О, как это давно было. Мы давно расстались с ним. Видишь, как я живу. Не живу, а существую. Разве так должно жить? Разве так должна жить бывшая референт самого Громыко, который был Министром Иностраных дел Советского Союза и еще при Сталине присутствовал на Ялтинской конференции, где велись переговоры с Черчиллем и Эйзенхауэром Президентом Соединенных Штатов Америки? – тетя Зина пустила картинно слезу. Дмитрий сочувственно проговорил:

– Скажите, тетя Зина, я помогу Вам, и Вы переедете в хорошую квартиру, которую я куплю Вам. Мне только на несколько дней отлучится. Я вернусь за Вами и перевезу Вас на новое место жительства. Вот еще денег Вам оставляю. Вы, как в состоянии еще в магазин сходить?

– Да, да, конечно.

– Ну, вот и славно. Ну, вот Вам немного денег и до скорого.

Он вышел из комнаты и быстрыми шагами спустился к выходу.

– Молодой человек! – позвала его бабушка вахтер общежития железнодорожников.

– Да, Вы меня?

– Подойдите ко мне.

Дима подошел к столу вахтерши, где стоял мужчина в черном костюме и почему-то в светлой фетровой шляпе.

– Вот с Вами хочет поговорить комендант общежития.

– Здравствуйте. – Поздоровался комендант с подошедшим к ним Дмитрием, потягивая руку. – Меня зовут Клим Петрович, комендант.

– Дмитрий, племянник Зины Яковлевны, – держа руки за спиной, отвечал Дмитрий, и продолжал, – освобожден досрочно с мест лишения свободы за хорошее поведение.

Сказав это, Дмитрий вместо того, чтобы пожать протянутую руку коменданту, полез в нагрудный карман пиджака и достал справку об освобождении с мест лишения свободы, протянул коменданту.

– Так, так, так! – протянул тираду Клим Петрович, – Ну, и что теперь будем делать с Вашей тетей?

– А, что?

– Выселять ее положено. У нас ведомственное общежитие для сотрудников, а не для постояльцев.

– Простите, Клим Петрович, а как она получила комнату? – задал вопрос Дмитрий.

– Работала секретарем машинисткой в министерстве железнодорожного транспорта, вот и получила. А когда вышла на пенсию, то такого права лишилась.

– Можно Вас на минуту. – Дмитрий взял Клима Петровича за локоть, – Давайте отойдем в сторонку.

Комендант уперся и громко сказал, чтобы все слышали:

– У меня секретов от сослуживцев нет, говорите, что еще?

– Я хотел попросить Вас оставить Зинаиду Яковлевну на пару недель в покое. Я ее заберу через две недели, не раньше и комната освободится.

– А, что Вам можно верить? – с ехидной ухмылкой спросил комендант.

– А, что у Вас есть выбор? А, Клим Петрович? – глядя в маленькие глаза коменданта, спросил Дмитрий, и добавил для связки слов, – У меня, кроме тетки, никого из близких родственников не осталось. Мать и отец давно умерли, когда я еще сидел. Так что вам придется подождать.

– Ну, хорошо. А, что Вы намерены делать в Москве? – подозрительно спросил комендант.

– А буду восстанавливать паспорт, устраиваться на работу. Меня ведь из Москвы, из Московской прописки отправили по этапу, так, что я домой вернулся. – Он повернулся и направился к выходу. Комендант проворчал вслед удаляющемуся парню:

– Вот быдло, а корчит из себя порядочного гражданина. – Махнув рукой комендант, поплелся в свой кабинет.

Решив формальности в районном милицейском отделении, где до заключения был прописан Дмитрий Олегович Яловый, парень поехал в гостиницу Москва на встречу с друзьями сидевшего еще в колонии УЕ N знаменитого фальшиво монетчика Флора Ананьевича Проскурова по кличке Флорка. В гостиницу Москва в ресторан пропускали посетителей с 11—00. На уличных часах уже было 11—30, когда Дмитрий вошел в фойе гостиницы. Охранник встретил его вопросительным взглядом, что без слов означало:

«Вам куда?» И Дмитрий коротко бросил в лицо стоявшему истуканом охраннику:

– В ресторан.

Тот, кивнув головой в знак того, что понял, и вслух сказал:

– Вон, гардероб, сдайте сумку и проходите.

За накрытым столиком у окна сидели два пожилых старика. Они не разговаривали, молча, смотрели в окно на весеннюю уличную слякоть Москвы, месившую колесами проезжающих автомобилей, на моросивший дождь, так внезапно сменившийся веселое весеннее солнце.

Дмитрий подошел к этим двум мужчинам, сказал:

– Здравствуйте уважаемые, вам привет от Флора.

– Присаживайся, коли не шутишь, Молдаванин. – Сказал, прищурившись один из них.

– Что еще просил передать Флорка? – спросил второй, с подозрением осматривая Дмитрия.

– Да вот личное послание. – Дмитрий достал пачку сигарет «Marlboro», подал слегка потертую тому, кто спросил его об этом.

– На, Чахлый, глянь. – Второй передал первому пачку. Чахлый внимательно осмотрел пачку, и, убедившись, что ее не вскрывали, открыл, порылся там, достал одну из сигарет, оторвал фильтр. Аккуратно развернул, мелко исписанную синим карандашом узкую бумажную полоску. Надел очки стал внимательно читать. Прочитав, зажигалкой поджег клочок и горящий бросил в пепельницу, стоящую на столике. Не торопливым движением налил в три рюмки из графина водки, затем взял одну наполненную рюмку поднял ее и сказал:

– Добро пожаловать, Молдаванин, с чем пожаловал, говори.

Все трое про чокались рюмками, выпили:

– Флору Ананьевичу осталось еще три года. Ему скосили срок из двадцати пяти лет до пятнадцати. Ну, из политических соображений и за хорошее поведение. Это его третье поощрение, как он рассказывал мне. Так, что ждите прибытия через три года. И еще я привез то, что он просил меня лично передать вам.

– Ну, что привез? – спросил первый, к которому обратился его друг, назвав Чахлым.

– Да, Петр Павлович, там, в сумке в гардеробную сдал.

– Конечно, это ты зря сдал в гардероб, хоть сюда с вещами не пускают. – Ответил Петр Павлович по кличке Чахлый. Его настоящая фамилия Чалый, вот от этой фамилии и происходит кличка.

– Да ты не шерсти Малыша, – обратился к Чахлому, второй, – теперь у него новое погоняло Малыш.

– А, что мне нравится, Семен Федорович. Малыш так Малыш.

– Ты стал уже на учет? – спросил Семен Федорович.

– Конечно.

– А когда будешь отдавать мазу за привезенный образец матрицы? А, Малыш? – спросил Чахлый.

– Мне Флор Ананьевич сказал, чтобы я со своих гонораров отдал.

– Флорка, конечно с одной стороны прав, но с другой стороны это дело рисковое. – Сказал Чахлый.

– Скажите, уважаемые, если бы Вы не были согласны взяться за старое ремесло, вы бы не стали бы платить за образец?

– Так оно так, но мы получили по десять лет, отсидев каждый из нас по семи. – Сказал Семен Федорович, а в нашем возрасте туда возвращаться неохота.

– Семка, что ты ему рассказываешь, Малыш, чем ты гарантируешь успех дела?

– Да ничем. Просто надо начать, а там на все воля Божья.

– Хорошо, давай голосовать. – Сказал вдруг Чахлый.

– Как ты будешь голосовать? – сказал Семен Федорович, – нас тут двое, равное количество.

– Семка, ты что не понял, что Флорка за дело, а нам с тобой решить надо.

– А, ты за что? – Спросил Семен Федорович.

– Я держу нейтралитет.

– Ну, ты и хитер старый Чахлый пень. Значит, решать мне за всех вас.

– Ну, почему же, – вмешался Дмитрий, – а я, что не в счет?

– Ты еще Малыш не в счет, потому, как не знаешь всех тонкостей дела. – Сказал Петр Павлович, – Поэтому помолчи, как Семка скажет, так и будет. Будет тех большинство из нашей когорты детей войны. Тебе ясно, Малыш?

– Так точно, уважаемый Петр Павлович. – И выжидательно стал смотреть в рот Семена Федоровича. Семен Федорович, неторопливо наполнил рюмки водкой, затем поднял свою рюмку и сказал:

– Давайте выпьем, чтобы этот наш бизнес не был таким, как тогда в советское время. Я за дело. – Про чокавшись, выпил до дна.

– Значит те пятьдесят штук, что тебе выдали с нашего общака, будешь отдавать с выручки. – Сказал свое заключительное слово Петр Павлович, по кличке Чахлый.

– Уважаемые, а какая моя доля в нашем общем деле? – спросил обеспокоенно Дмитрий.

– Как какая, такую долю, какую мы тебе назначим такая и будет. – Сказал Петр Павлович.

– Ну, ты Чахлый не гони пургу, не вводи Малыша в стопор, ему тоже жить хочется. За тебя Малыш решать будет Флорка. Какую долю он назначит, такая у тебя и будет. Нам надо еще увидеть тебя в деле. На одной смелости, да и на бесшабашности далеко не уедешь, тут харизма тебе нужна.

– Семка правильно сказал, фарт нужен. А если ты не фартовый, то и грош цена тебе.

– А это вы уважаемые увидите, есть у меня фарт или нету.

– Ну, все, кончай базар. «Сейчас поедем ко мне», – сказал Петр Павлович, – посмотрим матрицу в деле.

Такси ждало уже под гостиницей всех троих. Старики уселись на заднем сидении Дмитрий сел на переднее. А перед тем, как уехать он забрал из гардероба сумку, и приятно ощущая тяжесть матрицы, упал на переднем сидении такси.

В квартире на первом этаже, где жил Чалый Петр Павлович, был тайник, в виде замаскированной каморки за книжной полкой.

– Помоги Малыш. – Попросил отодвинуть шкаф Чалый Дмитрия. Когда шкаф отодвинули, открылась сплошная стена, оклеенная обоями. Чалый взял пульт точно такой же, как от телевизора Самсунг включил комнатную люстру на все четыре лампы и затем нажал кнопку пульта. Стена внезапно отодвинулась створкой внутрь, открывая пространство кладовой комнаты. После этого, Чалый выключил люстру в комнате, и вошел в открывшееся пространство каморки. Включил там свет. Заходите и не бойтесь. Отодвинутый книжный шкаф стоял так, как будто там было его изначальное место. Когда все трое вошли в каморку, Чалый нажал еще одну кнопку пульта и дверь медленно закрылась.

– Здесь вот обозначена дверь, сразу выходит на проезжую часть. Дом старый и на эту ржавую дверь никто не обращает никакого внимания, поэтому в случае чего можно легко уйти от милиции. А сейчас давай посмотрим, что Флорка там насочинял.

Дмитрий достал матрицу, развернул газету и показал изделие. Здесь в этом флаконе особая краска, которая наносится на рабочую поверхность матрицы. Клише тоже должно смазываться специальным составом красок. Набор вот прилагается. Дело осталось за малым, нужно достать специальную волокнистую бумагу.

– А ты, что думаешь, Малыш, что мы сидели эти годы так просто без дела. Вот посмотри туда, настоящая бумага, на которой в Америке печатают доллары.

– А, как вы ее достали? – не выдержал Дмитрий, задал вопрос.

– В Питере достали. Там местные бандюги гребанули банковский броневик. Вместе с деньгами в броневике лежало много списанной бумаги для печати долларов, которая предназначалась для утилизации. Броневик бросили на месте ограбления, забрав наличность, и разбежались. А местные подростки забрали, спрятали эту бумагу в своем подвале. Нам эту стопку перепродал один из местных авторитетов. Сказал, что все равно выкинет на свалку. Отдал за штуку долларов. Здесь на три миллиона баксов, если не напортчить.

– Подумать только. А что в Советском Союзе печатали доллары? – наивно спросил Дмитрий.

– Малыш, ты что, вчера родился. Это каждому школьнику известно, что КГБ печатало высочайшего качества поддельные доллары для своей агентуры в США. Банки принимали и не могли отличить от настоящих, так что если это та бумага, то мы уже миллионеры.

– Вопрос, почему же бумагу списали. Да потому, что Союз развалился, а если всплывет такая информация, как ты думаешь, что будет с правопреемницей активов СССР в США Россией? Кому достанутся эти активы, купленные в Америке на доллары, напечатанные в СССР?

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Дмитрий. Чалый посмотрел на Дмитрия, сказал отечески:

– Поживешь у меня, пока паспорт в ментовке будут тебе делать. Затем купим тебе квартиру. Я думаю, что у нас к тому времени будет достаточно денег. А дальше что ни будь, придумаем.

Через месяц и две недели у новых фальшивомонетчиков было изготовлено два миллиона долларов США. Каждая купюра не имела одинаковых номеров, что гарантировало им полную иллюзию настоящих денег. Решено было деньги положить в банк под предлогом вырученных средств от коммерческой деятельности. Первым опротестовал это решение Дмитрий.

– Первое на что обратят внимание, это на выручку. Второе на что упадет подозрение это на ворованные деньги. И третье, вопрос кто мы такие? Сидельцы, значит что-то тут не чисто?

– Малыш, ты не темни, а говори прямо. Какие у тебя предложения? – Высказался Петр Павлович.

– Я предлагаю деньги вывезти в Финляндию. И положить на депозит, чтобы капали проценты, которые можно будет выводить на банковские карточки.

– А, как это? – спросил Семен Федорович.

– Да очень просто. Деньги кладем на депозит в финском банке. Оформляем четыре безымянные карточки. На каждой карточке высвечивается определенная сумма денег, которую вы, уважаемые, решите назначить каждому из нас. На каждую карточку дается свой пин код, который каждый из вас запоминает, и в банкомате набираете этот пин код и выводите себе любую сумму, какую необходимо.

– Нет, я не согласен. – Первым высказался Петр Павлович.

– Чалый, ты как хочешь, а вот Флорка, когда выйдет, что будет делать без гроша в кармане?

– Семка, ты не волнуйся, Малыш сам себе на уме, а мы, что ж не поможем Флору.

И Дмитрий остался в меньшинстве. Его версию спрятать деньги не приняли. Определитель валют в обменниках на фальшивые деньги не реагировал, и стодолларовые купюры расходились без ущерба для их печатников. Бумага была истрачена вся, получилось три миллиона четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Дмитрий получил свой паспорт и купил тетке Зинаиде Яковлевне однокомнатную квартиру. Торжественно перевез ее на новое место жительства, оставив старую мебель в общежитии рыжим тараканам. Тетка была несказанно рада. К ней была приставлена домработница, которая исправно получала раз в месяц сто долларов за уход и радовалась этому заработку, так как другого заработка у нее не было. Себе Дмитрий купил двухкомнатную квартиру и жил в ней мечтая, познакомится с хорошей девушкой, чтобы завести семью. Жизнь наладилась. Он попросил у старых подельников выдать ему определенную сумму денег, чтобы начать новую жизнь. Подельники, посоветовавшись, решили спросить разрешения у Флора Ананьевича Проскурова. Получив от него ответ, выделили Малышу кругленькую сумму денег и отпустили на все четыре стороны. Дмитрий Яловый начал свою независимую жизнь...

Глава 3

Я, как всегда пришел на работу в техотдел учреждения УЕ N с плохим настроением. Наступила середина лета. Наташа, моя жена, безудержно растратила пятнадцать тысяч долларов, покупая много не нужных вещей, собираясь на дорогой курорт «Канарские острова». Остров Тенерифе, центральный остров гряды, расположен в тропическом районе Атлантического океана, куда я купил путевку на двоих для поездки с женой. Хотя Наташа и была на шестом месяце беременности, но от длительного перелета на Боинге не отказывалась. Ей очень хотелось побывать на знаменитом острове, посмотреть на райский уголок, который так красочно расписывают мировые рекламные агентства для туристических компаний мира. Истратив кругленькую сумму на путевку, на билеты в оба конца и на снаряжение для подводной охоты. Я, когда пришел в офис туристической компании за паспортами с визами в Испанию крайне был удивлен, узнав о том, что снаряжение для подводной охоты выдают на прокат на курорте, куда едут отдыхать туристы. И, что покупку эту он сделал зря, истратив пять тысяч долларов ни за что. Дорабатывать ему оставалось до отпуска еще месяц, а денег оставалось уже пятнадцать тысяч долларов. И дался этот курорт Наташе, но ее слова, чтобы было что вспомнить, сделали свое дело. И я, как последний лох повелся на это. Купил дорогой фотоаппарат «Никон», последней модели, кухонный комбайн и холодильник «Минск» и деньги улетели, осталось половина полученной суммы, заработанной у освобожденного от заключения Димы. Настроение было скверным. Деньги быстро тратились, зарплата была мизерная, ответственность большая. Надо было, постоянно находится на чеку, вести себя с заключенными правильно не вестись и не попадаться на приманку, за которой могут последовать неприятные последствия. И в этот самый момент в техотдел зашел Илья Иосифович Колебанов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.